

ЧТО ТАКОЕ ЭГО? ПОСМОТРИМ В ЗЕРКАЛО

Послесловие к сказкам и к жизни

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.
Так и душа моя идет путем зерна,
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

*Владислав Ходасевич. Путем зерна
23 декабря 1917 г.*

Осознание мира и самого себя, очевидно, надо начинать с признания собственного неведения. Сократ говорил: «Я мудрее большинства потому, что признал, что не знаю ничего; а другие мнят, что нечто знают, оставаясь в неведении».

Мы будто не замечаем, не осознаем, что живем как бы на крохотном островке, окруженном океаном неведения. Мы гор-

димся своими познаниями, но они разлетаются как пыль, если волна неведомого моря ударит посильнее в наше пристанище. А океан плещется у нашего изголовья день и ночь, то нежно шелестя на прибрежном песке, то грозно ударяя в скалистые уступы. Его волны — это вечный вызов нам, требование ответа. И поскольку мы «Homo sapiens», прежде всего — ответа пониманием.

Но лишь в детстве, видя любое явление, мы задавали вопросы: почему, откуда, как? С годами мы привыкаем жить, подобно слепым кротам, и не стремимся выйти из своей норы. Так случается чаще всего! И нам приходится в каком-то смысле вернуться к детству, чтобы заново осмысливать мир.

Детская писательница Вера Желиховская (сестра Елены Блаватской) описывает свой разговор (когда ей было шесть лет) со своей бабушкой:

«Я рассматривала снежинки, которые садились мне на темную шубку.

— Бабушка, — спросила я, — отчего это снег падает такими хорошенькими звездочками? Как они делаются?

— Бог их делает такими, — ответила бабушка.

— И отчего это летом везде зелень, цветы, а зимой только холод и снег? И отчего это солнце так ярко горит? — залпом выговорила я.

— Что это тебе пришло в голову? — удивилась бабушка. — Это трудно объяснить такой маленькой девочке... Снег — это замерзший дождь, дитя мое...

— Да отчего же снежинки-то все такие узорчатые? Капли дождя — просто капли.

— Ну, мой дружок, — улыбаясь, ответила мне бабушка, — тот, кто вырезает листья на деревьях, кто окрашивает цветы и дает им разный запах, тот и эти звездочки вырезает. Ты знаешь, кто это делает?

— Бог! — ответила я очень тихо.

— Да, моя милая, премудрый и добрый Бог...»

Ответ может быть благодатной каплей, заставить глубже задуматься. А может побудить и отвернуться. «Что мог я ответить ребенку? Я знаю не больше него», — сказал Уолт Уитмен. И где грань между вопросом ребенка и вопросом из глубины измученной души? И какой ответ будет верным? Может быть, лишь тот, что сам родится в сердце вопрошающего.

А волны бьют и бьют в недвижный берег непрестанно, всю жизнь. С годами в ударах волн мы слышим иные звуки. Возникают вопросы о чуде собственного существования и существования мира, о страдании и возможности избавления от него, о смерти и о смысле жизни и многие другие.

Их иногда называют проклятыми, но они могут быть и благословенны и сами породить чудесные чувства в нашей душе. И к судьбе этих вопросов, думается, можно применить притчу о сеятеле (Евангелие от Матфея, глава 13). В этом случае сеятель — сама природа, волны неведомого моря и тихие удары собственного сердца, побуждающие искать верные ответы на них. А семья символизирует не только вопрос — «слово», зароненное в сердце человека, но одновременно и само его сердце, как бы предназначенное умереть для существования в неведении и прорасти в новую жизнь, с открытыми духовными глазами.

Чаще всего внешние желания отвлекают от этих вопросов, будто бы не связанных с их удовлетворением, хотя где-то в глубине вопросы продолжают беспокоить наши сердца, и люди торопятся выбросить их из головы. Такой ход событий, видимо, символизируется семенем, склеванным птицами.

В других случаях, говорится в притче, семя дает росток, но на каменистой почве он засыхает; в третьих — его заглушают тернии. Что же символизирует «добрая земля»? Это должны быть некие «взрыхленные» сознания, вечно не удовлетворенные ответом мысли. Она не дает им внутренней гармонии. Думается, о таких сознаниях Максимилиан Волошин сказал своей поэтической строкой: «Изгнанники, скитальцы и поэты». Именно эти люди продолжают мучиться проклятыми вопросами, в то время как их поведение окружающим кажется почти чудачеством. Мог ли М. Лермонтов успокоиться, закончив свое стихотворение словами:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

Ведь в другие минуты он писал совсем иначе:

Когда волнуется желтеющая нива,
.....

Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

Он ведь чувствовал, что жизнь имеет и красоту, и высшую, пока еще, может быть, недостаточно нами осознаваемую ценность.

Лермонтов усвоил тон несколько «холодного» поэта, и своим холодком он держит нас на некоторой дистанции. Но наша задача, как слушателей и читателей, — принять правила его игры и преодолеть эту дистанцию. И вот, вчитываясь в его строки, мы соглашаемся: и у нас иной раз, когда мы философствуем над своей жизнью, возникают мрачные звуки в душе, проступает пустота нашей жизни... И у нас при созерцании тихой природы иной раз «расходятся морщины на челе». Это как бы сумеречный и дневной аспекты, воспринимаемые нами в шуме волн жизни. Не все пишут в ответ на них стихи, как М. Лермонтов. Первый, мучительный аспект большинство отбрасывает, дает склевать семя птицам, а второй — почти не замечает и не стремится углубиться в него. Это как бы разные приемы провиденциальных внешних и внутренних сил, ведущих нас по жизни к просветлению.

Для пробуждения зерна внешние силы — влага и свет солнца, а внутренние — молекулярные движения в хромосомах, призванные запустить механизм прорастания. «Просветление» же для зерна, продолжая аналогию, можно представить колосом, готовым опылиться и принести плод. Где-то написано о том, как проросло зерно, пролежавшее в гробнице фараона четыре тысячи лет. А наши внутренние возможности духовного семени не должны ли быть значительнее, лучше, чем у зерна пшеницы? А что до четырех тысяч лет, то мы можем принять как рабочую гипотезу доктрину ревероплощения и сказать: «Прорастим наше семя если не в этой жизни, так в последующей. Только не дадим сгноить его, сохраним сухим и чистым». И для сохранности его таким, мы чувствуем, достаточно выполнять заповеди любой религии: евангельские, мусульманские или буддийские. А если подмочим зерно, уже, может быть, и четыре тысячи лет не спасут. Не об этом ли предупреждают Писания, угрожая «геенной огненной»?

А страдания на нашем жизненном пути, наверное, следует воспринимать как сумеречный аспект воздействия на нас провиденциальных сил. При глубоком страдании человек невольно спрашивает: «За что?». И многие видят смысл страдания именно в том, что оно заставляет нас повернуться лицом к вечным вопросам бытия и бесстрашно заглянуть в их глаза. Страдания как бы призывают нас пробудиться.

Понятно, что нельзя сравнивать воздействия провиденциальных сил (болезненный и привлекательный аспекты волн жизни) с приемами земных властей, обозначаемых как «кнут и пряник», приманивающий и отпугивающий методы воздействия. Но, сопоставляя их, мы ясно увидим различие действий земных и «небесных» властей.

Здесь нам придется разобраться во внутреннем нашем хаосе, в спутанном клубке наших стремлений и желаний. Понятие «эго», как ни странно, — «белое пятно» в современной официальной философии, но в отдельных беседах и статьях вопрос об эго уточнен достаточно.

Эго — это искаженное представление о себе самом, о подлинном «я», личина истинного «я». Истинное «я» не может быть выключено из общего потока жизни. Это как раз то, чего добивается эгоистическая личность. Личность и есть эго, стремящееся отвоевать себе независимое пространство в общем потоке жизни.

Мы постоянно смотрим на мир через экран эго, видим его окрашенным нашим эго-светофильтром; иначе говоря, мы относим видимое с приятным, желательным для нас или болезненным, угрожающим. Эго — изначальный корень всякого эгоизма (личного, семейного, национального, общечеловеческого по отношению к остальной природе и т.д.). Это то «я», которое мы противопоставляем «не-я», в конечном счете — всему миру. Все, что мы не включаем в сферу своих симпатий, становится чуждым нам, а что включаем, становится как бы расширенным эго. И опять — противопоставление. А вот когда мы видим красоту — этого экрана нет. Судит не эго, а судья, — нечто глубинное в нас, общее со всем миром. Солнце одинаково светит для всех. Любовь, которую мы знаем, большей частью эгоистична, чаще всего она исходит от нас как эго, а не из божественной искры, мерцающей в нас. Она принадлежит эго. «Люблю я», и это приносит удовольствие или страда-

ния. «Мы» с предметом любви опять стремимся обособиться от остального мира. Красота же нам не принадлежит. Она может очаровать нас, и в эти мгновения экран эго как бы отодвигается. Но если возникает желание удержать красоту для себя, в ней сразу теряется что-то чистое, чарующее. «Дневной аспект шума волн» не угрожает, не дразнит наше эго, и ему легче не проявлять себя, убирать свой экран-щит, свои иголки, не заставлять нас сворачиваться, как ежик. И мы видим чистую красоту. Все изобретенные нами идеи о всеобщем благе строятся при участии маскирующего себя эго, и потому они ложны и обречены на крушение. Но это отдельный разговор.

Может быть, употребляя слова «сумеречный» и «дневной», правильнее иметь в виду не болезненность или ласковость волн жизни, а способность раздражить или примирить с собой наше эго. Земные власти, применяя метод «кну́та и пряника», всегда рассчитывают на реакцию эго, стремятся привлечь его или запугать. Провиденциальные силы стремятся научить нас убирать этот экран и жить вообще без него. Они обещают сами защитить нас, если мы им поверим. Когда мы отбрасываем при восприятии жизни экран эго, меняются все ценности. Мы можем увидеть очищающую красоту разрушительных процессов. Не так ли должны нами восприниматься строки «Откровения Иоанна» о «чашах гнева», проливаемых на грешную землю? В этих строках — утверждение, хотя и драматическое, гармонии мира. Иногда ищущий так жаждет ответа на вечные вопросы, что ничего уже не пугает его. «Кнут» становится слаще «пряника». Так, по восточным преданиям, буддийский просветленный Бодхисаттва дал зарок сидеть на одном месте и глядеть в стенку перед собой до тех пор, пока ему не прояснится суть и смысл жизни. И он не поворачивался в течение двенадцати лет, пока его, действительно, не озарило просветление. Заметим, что туман в повести-сказке «Туман» — нечто вроде стенки, скрывающей «дневное» восприятие мира. Но в жизни ее воздействие на нас постоянно сменяется другим. Под конец своей короткой жизни Михаил Лермонтов, пожалуй, тяготел к сумеречному видению мира; но в детстве и юности в нашем существе все более подвижно, в том числе и экран эго. И вот, в шестнадцать лет Лермонтов пишет стихотворение «Парус». Его анализ проводился не раз; но попробуем разобрать стихотворение, применяя наши критерии. В первой строке — зов в запре-

дельность: туман, даль, стремление за горизонт. Эго пугается запредельности, но она начинает притягивать, когда эго не проявляет себя. Эго или жалуется на одиночество, или стремится скрыть от себя же это чувство. По сути, в каком-то виде для эго оно всегда присутствует. «Парус» не боится одиночества, он не жалеет покинутый родной край. Для него родина — весь мир. Заметим, что пристрастие к родному краю подразумевает патриотизм, а «парус» космополитичен. Лермонтов как будто, сам того не осознавая, здесь утверждает истину религиозности: на первом месте должен быть космополитизм, и лишь на подчиненном — патриотизм. Подобную мысль высказывал Махатма Ганди. У Лермонтова за внешней холодностью живет страсть к «ядерной» энергии религиозности и, особенно, к ее аспекту полной свободы.

Она проявилась уже в «Парусе». Эго боится свободы за пределами отгороженного для себя двора. Парусу по сердцу игра волн, свист ветра, скрип мачты. Буря привлекает, пусть она разрушит эго. Парусу не нужно земного счастья, но он наполнен волей к иному счастью — быть в великом потоке жизни, познать его. «Струя светлей лазури» отвлекает от прорыва пробиться в иной мир, в область, где нет половинчатости, бесконечных компромиссов. Они нужны эго, оно идет на них, чтобы отвоевать себе пространство у мира, вернее, у Самого Бога. И парус просит бури, и эта просьба становится нам понятна. Ребенок тоже может чувствовать могучий поток жизни, о котором упоминают мудрецы, и знает счастье мчаться с ним вместе, и хочет при этом как бы шире открыть глаза. А первые приведенные нами строки Лермонтова полны эго. Начало стихотворения: «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» — это же все жалобы эго, и только эго. И далее все по-лермонтовски безжалостно к субъекту стихотворения — вплоть до последних слов: «...жизнь — глупая шутка». Да, действительно, если жизнь ограничена лишь проявлениями эго, если в ней нет даже подсознательных устремлений к вечному, к тому, на что эго в страхе закрывает глаза, — жизнь становится «глупой шуткой». Лермонтов не скрыл всей неприглядности эго. Верно, такой как он, с могучей неудовлетворенной душой, тоскующей о запредельном, в какой-то момент может решиться стать «новым Бодхисаттвой», чтобы достичь конечного просветления.

Это все в желаниях и компромиссах. Это заметно на примере нашей любви: так часто совершенно «бескорыстная» любовь в какое-то мгновение может обернуться корыстной, ревнивой, самодовлеющей или болезненной. Поросли это так искусно скрывают себя, так сплетаются с чистыми движениями нашей души, как лианы в тропическом лесу. И это легко обманывает наш ум. Вечность и беспредельность пугают это, но вдохновенное творчество пробивается сквозь мир сплетенных лиан в мир, свободный от этого, и мы начинаем ощущать притяжение к нему. Такие поэтические образы нас неизменно волнуют.

Приведем примеры из поэзии. При чтении таких строк в душе поднимается как бы священная буря, разрывающая пути жи. Пути эго.

У Пушкина:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...

У Тютчева:

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке...
.....
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь уснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Почему же «не буди», если мир души «жадно внимает повести любимой»? Рассудочный ум ответит: потому что мы воспринимаем беспредельное то за запретной гранью, проводимой эго, то перешагнув ее. Но у танца стихотворной музыки свой язык. Она делает как бы шаг в сторону, и мы восхищаемся ее танцем, не обращаясь к рассудочному уму. Нам все понятно. И в творчестве тишайшей поэтессы Аделаиды Герцык, той, что была «чудесно чутка к болям окружающих», постоянно приподнимается полог, которым эго завешивает мир «свободной игры души». Раз это вынуждено страдать, оно издает лишь стон.

НОЧЬЮ

А душа поет, поет,
Вопреки всему, в боевом дыму.
Словно прах, стряхнет непосильный гнет и поет.
На пустынном юру затевает игру...

Это время свежих ран гражданской войны, голода, «непосильного гнета», забот, когда автору этих стихотворных строк приходилось напрягать все силы, поддерживая близких.

...С одного бугра на другой мост перекинет,
Раскачается над бездной седой и застынет.
Пусть рухнет, коль хочет —
Другой будет к ночи!
Из песен строит жилье людское —
Палаты и хаты — выводит узор —
В тесноте простор.
Спите, кто может, на призрачном ложе...

Это опять шаг в сторону в танце стихотворной музыки. Надо понимать, что «призрачность» относится к миру слез, когда задернут полог, дающий выход в свободный мир мистических творчества души. А призыв «спите» — на самом деле, призыв прозреть в тот мир.

...А кругом стоит стон.
Правят тьму похорон.
Окончанье времен.
Погибает народ.
А душа поет...

Мы не знаем, может ли после такого опыта человеком вновь овладеть чувство безысходности, слепоты к высшему; но эти мучительные чувства возвращаются к необычайно развитым душам... И как раз внешне невыносимые условия жизни способствуют таким прозрениям, а благополучные вызывают слепоту. Вспомним мучения Льва Толстого, описанные в его «Исповеди». Он прятал от себя ружье, чтобы оно не соблазняло легким избавлением от непосильного груза пугающих вопросов. Но и у него были, как он пишет, сотни случаев перехода от чувства безысходности, при чисто рациональном восприятии жизни, к моментам радости — при открытом, доверчиво-религиозном подходе к ней. Когда же он окончательно почувствовал, что жизнь вечна, что она не «глупая шутка», когда так болезненно прораставшее семя ощутило свет солнца и тучную землю, вопросы зазвучали радостно и обрели другое направление. Вот истинно добрая почва, приносящая урожай «во сто крат», как говорит притча.

А что такое красота? Хотя это тема для отдельной статьи, все же, если хотите, красота — это попытка «разговора» с нами провиденциальных сил, Бога.

«Вся Вселенная, включая времена года, снегопады, лед и грязь, тоже мощно работает вместе с нами, и мы способны ощутить реальный мир и работать с ним», — говорит один восточный мыслитель. Абзацем ранее он утверждает: «Если мы захотим непредубежденно взглянуть, мы найдем, что, несмотря на все наши проблемы и всю путаницу, несмотря на все наши взлеты и падения, в нашем существовании как людей есть нечто доброе в самой основе. Открытие подлинного добра приходит благодаря правильному пониманию очень простых переживаний. Мы все время ощущаем проблески добра (от себя добавим — *восприятый без эго*), но часто не умеем их узнать. Когда мы видим яркий цвет, когда мы слышим прекрасный звук, мы видим (слышим) свое глубинное добро... Выходя из комнаты со спертым воздухом, мы ощущаем внезапное дуновение свежего ветерка. Эти события могут длиться какую-то долю секунды, но они представляют собой подлинные переживания глубинного добра. Человеческий потенциал настроен на переживания блеска ярко-синего неба, свежести зеленых полей, красоты деревьев и гор. Мы обладаем подлинной связью с реальностью, которая способна пробудить нас, заставить

ощутить внутри себя глубинное добро. Фактически это пробуждение уже происходит».

Здесь говорится о «дневном» аспекте волн жизни. Это не просто мимолетные приятные ощущения, но резонансные ответы благих струн в глубине нашего существа на отблески, «солнечные зайчики» великого потока жизни; это мимолетные переживания красоты, блага мира и единства с ним. Они повторяются тысячи раз, но еще недостаточно сильны, чтобы пробудить семя к прорастанию. Видимо, они должны чередоваться с болезненными, «сумрачными» звуками в наших сердцах, как в случае Лермонтова и Льва Толстого. Но и семя должно быть готово к прорастанию.

Мыслитель совсем иного склада, чем упомянутый нами поэт Максимилиан Волошин, научного склада ума, академик В.В. Раушенбах выделяет людей с «религиозным геном». «Их стремление ощутить, а не только осознавать себя частицей мироздания, невозможно преодолеть», — говорит он и даже намечает статистический расчет: таковы 10—12% населения. Что значит «ощутить, а не только осознавать»? Это та же неудовлетворенность ответом мысли, не дающей одновременно знания и переживания как «чувства-знания», о которых говорит «Агни-йога». И Раушенбах понимает, что ответы на «вечные» вопросы находятся не в сфере привычной нам работы мысли, а в сфере целостного «ощущения» и, одновременно, осознания. Говоря о взаимоотношениях религиозного человека с космосом, Раушенбах как бы подразумевает, что проявления религиозности в конечном счете сводятся к взаимоотношениям части и целого. И это замечательно! Целое предоставляет возможность части выполнять Его волю. Хотя и части предоставлена собственная воля, но эта часть должна на своем пути осознать, что неизбежно придется для полного, неделимого счастья слить свою малую волю с волей целого. И это не конец жизни и ее свободной воли, но начало ее сознательной жизни и ее возможности беспредельно расширяться при творчестве во имя целого. Надеюсь, религиозный человек поймет эти рассуждения и согласится с ними.

Итак, мы начинаем понимать, что невозможно получить требуемые нами ответы на уровне привычного мышления, что «разговаривать» с потоками жизни следует на более глубоком уровне. Назовем его условно, по подсказке того же В.В. Рау-

шенбаха, религиозным уровнем осознания. Жизнь проявляется лишь в настоящем, происходящем, в «Вечном теперь», о котором говорит Д. Кришнамурти. Мысль не имеет дела с настоящим моментом. Она всегда в теории, в прошлом или будущем, мертвых для жизни. Религиозный уровень осознания предполагает присутствие переживания, жизни в настоящем. С этим же, кажется, связано при осознании отсутствие теоретических противопоставлений и главного из них — «мира» и «я». Мысль способствует проявлению «я» в качестве эго. Мы смутно чувствуем: вот здесь — узел наших заблуждений и мук, наш первородный грех со времен Адама.

Снимает ли вера во всемогущество духовной силы, в Бога, глубинные наши конфликты? И да, и нет!

Нет, потому что при нашей вере мы чаще всего продолжаем обманывать себя. Наше эго очень хитро: оно извивается подобно змее, радуется, что почитает образ (стагую) своего Бога. Лишь полная смерть эго устранил обман, когда вообще не будет действий, исходящих из «я». Не будет «я», которое может верить или не верить, любить или не любить. Иоанн Дамаскин не любил, а благословлял «и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду». Любовь разлита в мире помимо него. Он лишь своим благословением присоединился к ней. Так чувствует мир человек без эго. Жизнь течет без «я», оно растворяется во всеобъемлющей жизни. (И если внимательно приглядеться, «я» как эго исчезает. Бесчисленные «я» настолько связаны с миром, насколько отверстия связаны с экраном, в котором они проделаны. У всех этих «я» все физические и духовные электроны держатся лишь магнитом космоса. Мы это забываем!) Присоединиться к «мировой любви» — нечто иное, чем любовь «от эго». Отметим, что семейный инстинкт (любовь к детям и внукам) это более полное присоединение к «мировой» любви, чем любовь «от эго». Провиденциальные силы, мир как духовный космос как бы поручают нам хранить потомство и заботиться о нем. Это иногда своего рода крест, но он должен быть радостным. Такая любовь может и должна быть чиста от семейного эгоизма. Но если свою семью мы противопоставляем в качестве отдельной ячейки всему остальному миру, она становится расширенным эго. Думаю, не всегда легко бывает нам самим разобраться, как мы относимся к семье: смотрим ли мы на нее снизу вверх, из «я» как эго, — или сверху вниз, со

стороны провиденциальных сил, духовного космоса. Но различие это очень глубоко. Для обывателя, пожалуй, яснее формула: что на первом месте? Бог или семья? Последняя должна быть на подчиненном месте, как в случае с космополитизмом и патриотизмом. Когда преобладает истинно религиозное чувство, правильное отношение легко. Пожалуй, всякий не извращенный инстинкт — это дар провиденциальных сил, и следует бережно относиться к нему.

А как обстоит дело с животными? Думается, сказанное о связи инстинктов с провиденциальными силами применимо и здесь. Ведь гармония биосферы как будто указывает именно на это. Или она — случайность?

Вспомним стихотворение Тютчева:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах...
.....
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Но мы можем ответить: он ропщет, когда возвышает голос эго. Но как удушающая жара вызывает скопление в облаках невидимых до времени зарядов электричества и неминуем ответ в виде освежающей грозы, так и эго своим хаосом противоречащих друг другу желаний, половинчатостью, компромиссами может вызвать внезапный протест — некие благородные движения души. Вызвать волю к чистоте, стройности, строгости, волю избавиться от внутренней лжи. Такая воля обычно определяется как долг, а эго, в свою очередь, стремится своими амбициями надеть узду на проявление чувства долга. Упоминавшиеся нами переплетения лиан — способ существования эго-личности, не признающей в себе корня целого...

Принято думать, что выполнение долга означает холодность чувств. Но отдаваться желаниям — значит попасть в уже от-

ринутую сеть эго. Наш ум видит или путь действия под влиянием холодного чувства долга, или путь уступок желаниям и вожделениям. Обычно мы не знакомы с пламенной волей. И с этим связано много ошибок, совершаемых людьми. Скопцы оскопляют себя, факиры истязают себя. Но возможны иные побуждающие к действию силы, кроме желаний и вожделений: «и уголь, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул». И в этом пламени, конечно, сгорят наши суетные желания. Но каков смысл горения такого пламени? «И Бога глас ко мне воззвал... Исполнишь волею Моей...» Что же означает наполнение Его волей? Это страсть, страстное влечение к единству, подобное стремлению языков пламени к небесам.

Но и здесь может подстергать ошибка: может появиться слепое пламя, направляемое заблуждением. Можно стать религиозным фанатиком, проповедовать сожжение на кострах или оправдывать насилие, терроризм ради общего блага. Так поступали народовольцы и коммунисты. Поэтому нужно умение видеть «ложное, как ложное, и истинное в ложном». Мы уже знаем, как легко ошибиться. И интуиция Пушкина подсказала ему, что преображение человека должно начинаться именно с распознавания, а распознавание — это преображение зрения и слуха: «Перстами легкими, как сон, моих зениц коснулся он». И лишь после того как «открылись вещи зеницы» и слух «внял неба содроганье», сердце было награждено пламенем. И теперь человек услышит истинный голос Бога и не станет лжепророком. У человека, в отличие от животных, пробуждается некий благой инстинкт: назовем так чувство сострадания. Его часто стремятся подавить. Это относится к действиям солдата в бою, к исполнению жестких приказов, к работе бойца на бойне. Но этот дар человеку, этот нежный индикатор дыхания души не избирателен: сострадание распространяется на все живые существа, на привлекательных и непривлекательных, на животных и растения, на то, что человек видит перед собой. И все это указывает на духовную истинность этого дара, на связь его с силами, единящими мир. Он — не от эго. И представляется нам, что, согласно неким законам эволюции, рано или поздно подавление этого инстинкта может отразиться на жизни индивидуальности, грешащей против него. Недаром религии призывают к исповеди и покаянию.

Тысячелетиями бушевала жестокость, и тысячелетиями человеческий род стремился подавить этот инстинкт, а он пробивался вновь и вновь, как травка прорастает сквозь трещины асфальтовой дорожки. Правительства пытаются вести это чувство сострадания в удобное им русло. Но и это тщетно. Правительства падают. И, думается нам, если внимательно изучать историю, особенно историю религии, мы сможем заметить, как эта «подножная травка», этот гонимый инстинкт неуклонно разрушает русло, определяемое земными властями, и способствует падению правительств.

И вновь мысль возвращается к недавней истории. Сегодня, через 74 года, совет Ленина: «найдите людей потверже» воспринимается всеми фибрами души как глубокое заблуждение. Твердость проявляется, конечно, не в подавлении благородных движений души, но в их утверждении. Разве распятием не утверждал Иисус Свои заповеди? Кажется, с такими же чувствами писал Короленко свои письма Луначарскому, которые читал Ленин. Опирайтесь на людей, подавляющих благословенный инстинкт, равносильно совету подавлять его. Опасный и страшный совет! Эти штрихи, эти «мелкие» черточки убеждают нас вновь и вновь, что задуманное здание обновленной культуры уже тогда закладывалось на «битой карте». К чести Ленина, он через три года осудил направление своей же политики и ввел НЭП; кажется, он выстрадал многократно свои заблуждения. И даже сегодня представлять своими останками квазимощи — тоже для него нелегкое испытание.

В истории бывают моменты, когда рушатся сложившиеся уклады, привычные представления о жизни. Нечто вроде «смены Уицраора», по Даниилу Андрееву. Эти моменты по-своему прекрасны. Очищается пространство для произрастания обновленной культуры. Не обязательно открывать и переселяться в «Новый свет»: он может быть создан и на старой земле. Такой период переживаем мы сейчас, то же было и после 1917 года. Но тогда посеяны были семена заблуждения, лжи и насилия, у вождей была любовь к своей идее, но не к человеку как носителю божественной искры. Вера в мировую революцию и обновленную примитивно-материалистическую культуру вдохновляла и вождей, и простого красноармейца, и все это должно было произойти именно в XX веке. Наука и знание (с малой буквы) были для вождей авторитетом. Посеем же на этот раз

на освободившемся поле добрые семена. И в ответе за это должен быть каждый сегодняшний житель страны. Снимая свою ответственность, мы предаем ее. Максимилиан Волошин писал в феврале 1924 года: «Вся наша революция была / Ком-ком религиозной истерии...» (из поэмы «Россия»). И далее:

Все наши достижения в том, что мы
В бреду и корчах создали вакцину
От социальных революций. Запад
Переживет их вновь, и не одну.
Но выживет, не расточив культуры.

Здесь Максимилиан Волошин ошибся: вакцина оказалась достаточно действенной. После разоблачения культа личности в 1956 году кое-кому, в том числе и автору этих строк, казалось, что теперь уже пришло время пасть бездуховной идеологии. Но нет! Почему оказались нужны еще тридцать лет? Видимо, вакцину надо было создать не только для Запада, но и для Третьего мира, чтобы и он разочаровался в наших путях; а нам пришлось еще «заблуждаться» все это время. Конечно, и собственные власти убедились в том, что искусственная экономика, по сути экономика индустриального феодализма, надевшая маску прогрессивной формации, все более и более отстает от свободной экономики деидеологизированных стран. Создавая «вакцину», мы были пассивны, поддакивая правителям; участвуя в общей лжи, мы помогали им. Может быть, для вызревания «вакцины» так было нужно, но сегодня жизнь требует от нас большего. Из своего опыта общения с людьми могу сказать, что последовательных атеистов, глубоких атеистов я не встречал. Иногда на ночных дежурствах мне приходилось беседовать с кем-нибудь чуть ли не до рассвета. Чаше всего люди удовлетворяются словами: «Что-то есть в мире и в жизни; да, что-то есть, не разрешенное нами». Но при этом у них нет смелости брать на себя ответственность и труд разрешать это «что-то». Их устраивает, что есть люди-философы или священнослужители, которые заняты таким делом. «Вот мы и будем следовать за ними, нам не нужно самим мучиться», — иной раз добавляют они. При этом от того, кто на пути им попадется вожаком, зависит и их миропредставление. Если у них вожак — атеист, пусть только в их понимании, — как Ленин или Энгельс и Маркс, которых они тоже не знают, а знают лишь

то, что им сказали об этих философах, они не допускают возможности веры в «так называемого» Бога. «Его же никто никогда не видел, какая чепуха — верить в Него». Может быть, несколько глубже рассуждают люди из другого лагеря — с вожаком, поднимающим знамя Христа или Магомета. «Как можно ни во что не верить? Неверящие просто скрывают свою веру или не хотят ни о чем подумать», — говорят они. Но и они в большинстве были пассивны в своем бездумии.

Так и живут люди, пользуясь чужим умом, но от этого не легче ни им, ни обществу. Надо начать самим всматриваться в дорогу, не следуя за вожаком, надо самим почувствовать свой корешок в вечном. Вначале это трудно, но вскоре труд окупается, становится все легче и радостнее, появляется уверенность. Вот к этому труду — постараться самим увидеть свет жизни — только и призываем мы. Но почему те, кто держался за «кштурвал» революции, так долго не хотели видеть истину? Кроме всех личных соображений, несомненно, было и искреннее заблуждение. Тем более оно должно было существовать в предшествующие революции годы. Что мешало этим деятелям прорастить к иному пониманию мира? По-видимому, многие имели яркие проявления «глубинного добра». Ленин восхищался «Апассионатой» Бетховена, Луначарский, похоже, со знанием писал о «космическом сознании» (в предисловии к стихам Уолта Уитмена в 1919 году). Эти деятели имели достаточный заряд энергии. Что заставляло их упорно отворачиваться от призывов к вечному, — как сейчас начали говорить, к общечеловеческим ценностям? Откуда такая глухота и нетерпимость к религиозному осознанию мира? Что помешало стать, подобно Сергию Булгакову, «рenegатами мертвых теорий»?

Вернемся к притче о сеятеле: «...Иное семя заглушили тернии». Применим толкование о таком семени для данного случая, хотя некоторым оно, может быть, покажется своевольным. Для того чтобы нежный росток шепота души, только что пробившийся в жестокий внешний мир, смог выжить и продолжить развитие, он не должен заглушаться тернием внешней мысли. Внешние назойливые, требующие к себе внимания мыслеобразы наносят вред нежному побегу. Мы слышим слишком много ответов и если даже смутно чувствуем их неполноту, говорим себе: «Все же это опыт прошлого, накопленная мудрость». Мы начинаем выбирать из услышанных ответов более для нас

подходящий, и некогда подходящим может оказаться ответ, отличный от принятого нами ранее. Опирайтесь же на внешние ответы можно только тогда, когда в душе возникает как бы резонанс на услышанное, подобный резонансу струны в музыкальном инструменте. Тогда не может быть места авторитету. Авторитету не нужен резонанс. Он подавляет силой. Но мы ищем авторитет, он облегчает нам жизнь. И вместе с тем он — терние, заглушающее нежный росток шепота собственной души.

Конец XVIII века, весь XIX и большая часть XX века выросли буйными терниями материализма. Одна из основных сил, способствующих тому, скрыта в словах: «Так знание становится проклятием» (из беседы Кришнамурти с профессором Боком). Имеется в виду не духовное знание, возникающее через «религиозное осознание» или «путем тождества», как окрестил этот вид познания Мерл Вольф, а научное знание, приобретенное работой мысли. Но мысль слепа для духовного знания. Оно для нее закрыто. И знание стало авторитетом. Оно стало претендовать на абсолютную монополию и побуждало отворачиваться от вечных призывов духа. Темные силы всегда боялись и преследовали проявления духовного знания. Они пользовались авторитетом, а для духа его нет. Он свободен в своем творчестве. Пережитая нами эпоха, кажется, знаменовалась не только столкновением тоталитарных и свободных режимов, но и эпохой противоборства научного и духовного знания — материализма и религиозности. Тоталитаризм тяготел к первому, что не мешало ему иной раз использовать магию; свобода верила в силу религиозности. «Так знание становится проклятием». И при этом авторитете знаний (пожалуй, как раз благодаря ему) с такой легкостью ослепления перетасовывались «точные» знания с воображаемыми! И это происходило как в нацистской Германии, так и в нашей стране. Таковы «точные» знания о классовом сознании пролетариата и буржуазии, об определяющей роли классовой принадлежности в отношениях людей, о непримиримости классов. Исповедовалось «знание» о том, что структура власти формирует нравственные качества человека, в то время как естественно полагать, что не форма изменяет качества содержимого, но черты характера и нравственные устои единиц определяют структуру и форму целого (об этом писал Толстой в статье о социализме). Ведь все же христиан-

ство, а не экономические требования разрушили рабство. Рабство и капитализм совместно процветали на юге США, как и у нас — рабство и квазисоциализм. Оказалось достаточным назвать вещи своими именами, то есть проявить нравственность, как начали разрушаться и структура власти, и искусственная экономика. И это — показатель силы нравственных устоев в народе (в смысле его стремления избавиться от лжи). В меньшинстве остались те, кто еще хочет держаться за ложь, оправдывая ложь тем, что «нужен порядок». Захватить власть над умами знанию помогло еще то, что отдельные церкви, замкнувшиеся в себе, враждующие между собой в век науки, стали как бы изживать себя. Церкви, не замыкающиеся в себе, но открытые пантеистическим, теософическим чувствам и идеям, можно лишь приветствовать. Хотя трудно жить без авторитета, но неизбежно придется к этому приучаться. Кажется, в этом поможет буддизм и Кришнамурти. А освободиться от «научного», классического материализма помогает также современная физика со времен Эйнштейна.

Не могу в связи с этим не упомянуть «Розу Мира» Даниила Андреева и не склониться низко перед ней. Пусть он во многом ошибался. Он сам местами говорит, что думал ранее такто, а позднее это стало видеться ему иначе. Пусть реальную картину мира он уловил хотя бы на доли процента, пусть ему многое виделось, как в искажающем зеркале. Важно другое — то, что он пережил, и не раз, «космическое сознание» и жил, питаясь им. Может быть, нам надо привыкать к тому, что у каждого может создаваться своя картина мира — в своем, что-то искажающем зеркале, что по-своему правы субъективные идеалисты: объективный мир исчезает без индивидуального зеркала. Он сам тоже относителен, — как бы добавляет современная физика. И если совместные галлюцинации назвать реальностью, то все же истина и реальность сливаются там, где сливаются субъект и объект, а это происходит при вспышке «космического сознания». Таким образом, «космическое сознание» упраздняет скепсис агностицизма.

Будем надеяться, что книга «Роза Мира» поможет расчислить тернии материализма в нашей стране и сама при этом не станет авторитетом. Для Запада, думается, она не столь нужна, поскольку там давно работают учения, открытые духу теософии, — буддизм, беседы Кришнамурти.

Вот от терний, от опасности авторитета, от материализма или идеализма Нико (в сказке) был избавлен. Он забыл или никогда не слышал ответов со стороны. Это — его преимущество перед тем, чьим двойником он был. Он начал с нуля и таким оказался, стоя перед космосом, — вернее, перед его полномочным представителем — туманом. И в конечном счете он выиграл! Но Нико был уже «набухшим семенем». Он мучился вопросами собственного существования. Его «религиозные гены» уже вышли на стартовую полосу перед предстоящим марафоном. И вот тут-то, может быть, важно «вернуться лицом в правильном направлении».

Сведение множества к единству всегда скрывает в себе красоту. Это относится и к законам духа, единым для каждого в отдельности и для всех вместе. И почувствовать единство мира можно иной раз, наблюдая самые простые мелочи вокруг. Так было в случае Нико: песчинки, травинки, камушки, покрытые лишайником, стали началом той спиральной воронки, которая потянула Нико к моменту «космического сознания». В сознании как бы возникает магнит, который стягивает весь мир в единую точку, к единству закона, разлитого во всем.

И вот, когда мы все ясней ощущаем веяния красоты духовного мира, пробуждается воля ко «второму рождению». О таком рождении говорят восточные писания. Пробуждается желание выбраться из кокона-куколки, вылететь оттуда пчелой или бабочкой, тем, что мы есть в подлинной своей сути. И это, кажется, не что иное, как добровольная — обязательно добровольная, а не принудительная смерть эго. Если эго захочет убить себя, оно будет издеваться над бабочкой, заключенной в кокон. Бабочка сквозь кокон уже улавливает звуки и лучи внешнего мира. Для нас это как бы свет и звуки духовного космоса. Мы убеждаемся: весь космос — выражение духа. Мы будто слышим приглашение включиться в стройную симфонию мира.

Это знание особое: оно не может стать авторитетом, оно разрушает скепсис агностицизма, оно дает силу и радость жизни даже в нашем безумном мире, помогает дышать отравленным воздухом его городов. И это знание избавляет от многих страхов. Вспомните в нужный момент о нем; это знание вообще освобождает от страха смерти. И еще: при нем неизбежно по-является равное почитание всех религий, поскольку важно не название, но движение к освобождению. Нам представляется:

для «дважды рожденного» не будет «призрачной свободы», но к словам «Да будет воля Твоя» человек сможет добавить: «Жизнь требует большего — чтобы всеобщая воля преобразалась Моим свободным творчеством». И это нелегко.

Распятие Иисуса воистину было добровольным.